Жить!

Идут другие времена, другие люди,
и что за дело, что про нас они забудут!

Их тоже ждёт всё та же ночь, и после тоже
никто не сможет им помочь, никто не сможет.

И никакого нам до них нет дела,
как им до нас — «единственных» на свете белом.

Так как же жить? А так: любить и быть любимым,
а про забвение забыть. Всё это — мимо.

Лишь только знать: бессмертье — здесь. Простое знанье.
Бессмертны мы, пока мы есть, а там — *молчанье.*

Пусть в бездну Божьего огня летят столетья, —
целуй меня, люби меня, моё бессмертье!

Город-волк

Неужели возможны здесь новые муки?
Я же плоть без души, я гнильё из гнилья!
Ш. Бодлер

Безвольно разметавшись под луной,
он нервно всхрапывал под арочные своды,
и вздрагивал, и взвизгивал струной
троллейбусной, и кашлял, как больной,
тугими сквозняками всех заводов,
и рык его, беззубый, как гобой,
во сне терзал все прожитые годы.

О бедный волк! О город бедный мой!

Поросший фешенебельной корой,
притон сквозь смрад сигарный и под вой
рогатого оркестра тяжким плодом
нёс золото зелёное горой.
С ощеренною президентской мордой,
вращая землю дьявольской звездой,
среди рабов своих, смеющихся и гордых,
оно смердело, словно трупный гной.

Вдали от яркой жилы становой,
изгрызенной, но всё ещё живой,
забитой тромбами ночных отходов —
рекламой, шлюхами и прочим сбродом, —
слепой разврат окраин стороной
дремал, ножами вскидываясь сходу
на шаг малейший пришлого народа,
и тухлой кровью в тухлую же воду
отрыгивал свой жуткий перепой —
псам на прокорм и дьяволу в угоду.

О бедный волк! О город бедный мой!

В аду шурфов, бездонных глубиной,
стонал бомжей угрюмых грязный рой.
Чесоткой яростно терзаясь сроду,
в кишках бетонных жил он чуть живой —
не знающий ни солнца, ни свободы,
ни жизни, ни еды иной,
чем тот мосол, что был уже обглодан.
О Божий люд! О экскремент живой!

О бедный волк! О город бедный мой!

На этажах, укрывшись с головой,
дышали дети, сон лелея свой.
Что снилось им? — Осипшие заводы?
притонов смрад? бомжей угрюмый рой?
еда? окраины разврат слепой?..

А может, снились солнце и свобода?
Иль волчий смертный разворот крутой
в стремительной атаке без захода?

О бедный волк! О город бедный мой!

Так, в судорогах, бьющих тетивой,
не бодрствовалось и не спалось уроду —
так спит собака, видя сны породы
и холод смерти чувствуя спиной.

О бедный волк, о город бедный мой…

Псы

По земле тихой кладбищенской,
местных псов неробких словом погладя,
прихожу я к тебе нищенкой, —
узнаёшь ли меня, Надя?

В этом мире, таком нелепом,
где мы жили с тобой рядом,
земляные теперь склепы,
мёртвым всё залитó ядом…

Я всё помню, но нет возврата,
и не будет конца боли.
Псы, родные, ну как так-то?
Разорвите меня, что ли…

Бытие

I

Холодный космос. В хаосе стремленья
Вселенная безумна и мертва.
Тысячелетьями ползёт мгновенье,
и гул неясный слышится едва.

Мир в напряженье, и вот-вот совьётся
та нить, что свяжет раз и навсегда
звезду небесную и дно колодца,
ещё не вырытого, и тогда

вдруг вечности движенье прекратится,
и время потечёт, и расцветёт заря,
и задрожит подснежник робкой птицей,
и взгляд найдёт его, и станет всё не зря.

II

В космосе невесомом
наш голубой электрон.
Время его бессонно
в сонме спящих времён.

Пусть мы одни у Бога —
эта тоска в крови
будет для нас залогом
вечной Его любви.

Наши пылят дороги
мимо пустых дорог.
Что ж, что мы одиноки, —
целый мир одинок.

Смертные станут сменой
смертным в конце пути.
Жизнь наша самоценна,
значит, надо идти.

III

Луны и Солнца хоровод,
прикосновенье рук любимых —
как осязаемо, как зримо,
как трогательно жизнь плывёт!

Как ветер радостно летит
с известием от юной Гебы!
Как лазурит сияет небом,
как пахнет лесом малахит!

Струится нежная трава
под ненатруженной стопою…
Лишь тем, что жить на свете стоит,
душа стремительно жива.

И пусть конец наш неминуем,
и как бы ни был он жесток, —
отмечен вечности цветок
бессмертным нашим поцелуем.

IV

О, сада светлая душа!
твой ветер так далёк,
когда октябрь не спеша
бредёт под мой порог.

Деревьев чёрные тела,
одни в ночной тиши,
стоят, лишённые тепла,
лишённые души.

Но я за звёздной пеленой,
где в мраке гаснет взгляд,
и горний ветер вижу мой,
и мой небесный сад.

***

Проснулся от счастья: сейчас говорил с тобою.
О чём — и не вспомнить. Но радостен сердца стук.
Пахнуло дыханьем того, что зовём мы судьбою,
и тронуло ясностью душу, воскресшую вдруг.
Твой голос, сиявший во мне бесподобием черт,
живой и тревожный, зовущий вослед за собою,
был так же настойчив, как то, что зовём мы судьбою…
И всё же безгласен, как сербское слово «смрт».

Лежим

В моей руке — какое чудо! —
Твоя рука…
Афанасий Фет

…а мы лежим, лежим давно.
Мы обнялись, глядим в окно.
Нас двое — дура и дурак,
и всё у нас не просто так.

Как нам легко: рука в руке,
луна висит невдалеке,
под пледом столько тёплых ног,
что я их сосчитать не смог.

Так славно спрятаться в ночи!
лежишь — лежи, молчишь — молчи,
дыши, хотя бы через раз,
гляди, не открывая глаз.

Кругом такая тишина —
как будто снится нам она,
и лишь дыхание твоё
мне тихой иволгой поёт…

…Лежат два глупых дурака,
над ними вечности река,
кругом сплошные пустяки…
Рука в руке — вот дураки!

Родительский день

Весенний свет, будылья лопуха —
торчащие из прошлого скелеты,
кресты — мемориум содомского греха,
и люди — нерождённые поэты.

О тихий мир, живущий сам в себе,
глядящий с плит печальными очами!
скажи, какие сны придут к тебе
дождливыми осенними ночами?

***

На твоей могиле цветы и цветы,
на моей могиле лишь чёрный ветер.
Никогда уже не узнаешь ты,
что меня теперь тоже нет на свете.

Нам не вырваться из земляной тьмы
и не встретиться среди звёздной пыли.
Навсегда уже позабудем мы,
что когда-то здесь, на земле, жили.

***

Вольно красиво говорить,
когда мы юны и беспечны:
тому, кто жить намерен вечно,
и помереть — что насорить.
А ты доешь свою котлету
и объяви, что смерть есть ложь,
узнав, что не переживёшь
уже зажжённой сигареты.

Небытие

Оно всё время за плечами,
но днём молчит и прячет взгляд,
а бесконечными ночами
бушует, словно листопад.

И мы, испуганные дети,
в слезах бежим его тоски,
не зная, что на этом свете
лишь с ним близки.

Лишь с ним близки.

***

Стоит весёлая пора,
деревья пожелтели…
А завтра с самого утра
заголосят метели.
А послезавтра и мороз
ударит гололёдом,
и жизнь увидится всерьёз
безропотным народом.
И станет всё так хорошо,
как раньше не бывало…
Ах, как бы что-нибудь ещё!
Ах, как бы всё сначала…

Любовь

Чтобы любить, любимым быть не надо.
Не надо умным быть, чтоб не любить.
Любовь — не сердца стук, а взрыв снаряда:
ей всё равно, кого и где убить.

Смотри в глаза мои: в них пепел рая
и ада невесомая зола…
Любовью рвёт.
Она смердит, сгорая.
И бьёт озноб.
И нет теплей тепла!

***

Строй бруствер, флеши размеряй,
копай свой шанц на всякий случай,
но знай: небытие — твой рай —
из вечной жизни выход лучший.

Не быть, не чувствовать, не знать —
судьба ромашки при дороге:
шагают мимо чьи-то ноги,
и пыль — как Божья благодать.

***

Анатолию Корчуганову

Тот миг меж тьмою…
Я едва очнулся,
и тотчас, за безжалостной чертой,
мой вздох последний ветром затянулся,
как пролетевшей пули след пустой.
Но был мгновенью этому свидетель —
цветок один, внимавший соловью.
Он видел всё.
Его сорвали дети.
И он расскажет им про жизнь мою.